УДК 32

Склярова Е. А., д. филос.н., проф.

Политическая элита в эпоху Старого порядка

В статье рассматривается роль дворянской аристократии в формировании общественного сознания Нового времени, проводится анализ трансформации западноевропейского общественного сознания XVIII в.

Ключевые слова: политическая элита, дворянская аристократия, общественное мнение, стиль жизни, стиль мышления.

Проблема роли политической элиты в социальной и духовной жизни западноевропейской цивилизации XVIII в. на сегодняшний день привлекает внимание философов, политологов, историков, социологов. Интерес к данной проблематике отчасти вызван стремлениями преодолеть однозначность противоположных взглядов относительно роли дворянства (особенно придворной аристократии) в формировании общественного сознания Нового времени. В советской историографии долгое время господствовала точка зрения, согласно которой дворянство рассматривалось исключительно как реакционный класс, интересы которого были едины в своем стремлении уничтожить любые идеи века Просвещения. Однако представители современного поколения «Анналов» (Ф. Фюре, Д. Рише) выдвинули тезис о «революции элит» или «революции Просвещения», согласно которому дворянство и верхние слои буржуазии оценивались как прогрессивная общественная сила, обеспечившая распространение либеральных идей в консервативной среде народных масс.

Существенное место в современных спорах вокруг дворянской аристократии как политической элиты Старого порядка (периода, предшествующего буржуазным революционным преобразованиям) занимают проблемы его стиля мышления, социально-политических устремлений в конце XVIII в. Было ли высшее сословие реакционной силой Старого порядка или являлось оппозицией ему? Как оно относилось к феодально-абсолютистской монархии? Можно ли назвать позиции дворянства едиными по различным вопросам общественно-политической жизни XVIII в.? В рамках данной статьи попытаемся частично ответить на эти вопросы.

Очевидно, что на политические позиции дворянства не могла не влиять идейно-культурная среда Франции XVIII в., для которой была характерна гегемония просветительского рационализма. Просвещение как этап развития европейской культуры и идеологии во многом, конечно, был связан с подъемом буржуазии. Однако, как известно, идеи и стиль мышления просветителей, многие из которых сами принадлежали к высшим слоям общества, рас-

пространялись не только в дворянской среде в целом ряде европейских стран, но и нашли своеобразное преломление в различных слоях населения XVIII в.

В любую конкретно-историческую эпоху господствующими являются идеи, распространяющиеся теми слоями населения, которые имеют экономическую и политическую власть. Важную роль при этом играет фактор социально-психологического подражания «верхам» со стороны нижестоящих на социальной лестнице групп населения. При этом подражание происходит как сознательно, так и бессознательно, стихийно. По мнению Г. Бокля [2, 139], перемены в жизни цивилизованного народа зависят от суммы знаний, приобретенных развитыми людьми того или иного общества, от направления, которое приняли эти знания, и от распространения знаний среди широких слоев населения. Значительная роль в распространении знаний принадлежит, прежде всего, литературе. Век Людовика XIV был богат литературными шедеврами, но сама литература в эту эпоху, еще не став идеологической силой, искала поддержку в лице абсолютного монарха и пользовалась его полным доверием. Вследствие тяжелого слога и малограмотности населения, книги не находили себе применения за рамками привилегированного образованного сословия. Авторы должны были рассчитывать на покровительство отдельных сословий или богатых титулованных личностей.

Аристократическое общество в высшей степени благоприятствовало рождению утонченного изящного слова. Чистый слог и безупречный вкус сохранялись лишь стараниями узкого круга выдающихся людей, получивших блестящее воспитание. Если в Англии дух самоуправления в XVII в. проникал во все слои населения, то во Франции влияние высших сословий не уменьшалось (вплоть до середины XVIII в.). Понятие о зависимости, на котором была основана покровительственная система, порождала убеждение, что подчинение правительству в социальной жизни должно существовать и в литературе. Приобретение покровительства короля считалось доказательством умственного превосходства. Литераторы, получившие от Двора пенсии и награды, вырождались в поколение льстецов и лицемеров. Об этом свидетельствует Жермена де Сталь: «Вооруженный множеством священных установлений, блестящих предрассудков и общепринятых условностей, человек не в силах был полагаться на собственные независимые суждения; разум его не пытался подвергать исследованию все сущее, душе не удавалось освободиться от его общепринятых взглядов… преклонение перед королем и королевской властью сделалось заветнейшим убеждением каждого подданного Людовика XIV» [4, 254]. Даже знаменитый Вольтер понимал, что оценить по достоинству его сочинения, где царят изящное остроумие и безупречный вкус, могли, пожалуй, лишь читатели-аристократы.

В царствование Людовика XIV литераторы щедро награждались, и история самых знаменитых писателей того времени доказывает, что, несмотря на свое образование и умственные способности, они не могли устоять перед материальными дарами, предоставляемые взамен литературной благосклонности. Отчасти поэтому долгое время (практически до середины XVIII

в.) ни один писатель не нападал на политические учреждения страны (особенно на короля). Между тем, против духовенства велась открытая борьба. Именно в нападках на католическую религию во Франции проявлялась свобода мнений. Вольтер был неистощим на шутки по поводу католицизма – шутки, выдержанные в придворном духе. Вольтер, мечтая о том, чтобы ругать просвещение стало дурным тоном, чтобы философия вошла в моду, стремился не изменить общество, а просветить его.

Литература XVIII в. формировала общественное мнение, которое приобрело во Франции необычайно влиятельную роль. Общественное мнение, понимаемое как мнение нации, получило право на существование не только в языке провинциального дворянства, но и в придворных кругах. Если ранее король и придворная аристократия, покровительствуя литературе, определяли направления мысли, то в XVIII в. литература, создавая определенное общественное мнение, заставляла прислушаться к голосу «народа».

Одним из наиболее наглядных примеров влияния общественного мнения и его могущества было постепенное отделение «города» от Двора, Парижа от Версаля. При Людовике XIV Двор задавал тон не только городу, но и практически всему населению страны. Двор был высшим образцом и критерием по части «вкуса», моды, нравов, идей. Стиль жизни Двора воспринимался в Париже с почтительностью, но к середине XVIII в. город постепенно эмансипируется от морального и колониального холопства перед Двором. Если при Людовике XIV Двор гораздо образованнее Города, то в XVIII в. многое изменилось: Двор терял свое былое влияние на искусство, литературу и на все, что относилось к этой области. Двор ожидал приговора общественного мнения по различным вопросам, касавшимся новых книг, спектаклей.

В связи с этим возникает вопрос: каким образом общественное мнение могло обладать такой силой в обществе, где дух покровительства был так силен, в обществе, которое было лишено легальной свободы публичного слова, как печатного, так и устного? Общественное мнение вырабатывалось, по мнению Ардашева, не столько в редакциях газет и журналов, на публичных собраниях, сколько в семье, у домашнего очага, в тени рабочего кабинета и, наконец, в приятельской беседе и повседневном разговоре. Именно общение между людьми, повседневный, непринужденный разговор и был постоянным и наиболее универсальным фактором общественного мнения. Разговоры при той высокой степени развития «вкуса к обществу» и «общительности», которая была неотъемлемой чертой французского характера, становятся важным средством обмена сведений и мыслей. Именно они, вырабатывая общественные идеи и настроения, являлись орудием более могучим, чем печатная книга или газета. «… Может ли такое «скрытое общественное мнение» обнаружиться без помощи публичного слова? Разве индивидуальное мнение не может выражаться сплошь да рядом, а помимо слова – в жестах, мимике, в игре физиономий? Но своего рода физиономия есть и у общества, как есть у него своего рода мимика и жесты, при помощи которых оно так же может без слов

вполне удобоприятно выражать свое настроение, свое отношение к тому или иному событию…, словом, высказывать свое мнение» [1, 17].

Повседневный разговор как «непечатная проза» приобрел особенное значение с тех пор, как часть его превратилась в предмет специальной культуры – в салонах. Салонная жизнь, являясь характерной особенностью общественной жизни XVIII в., возникла из сочетания придворной и городской культуры. Вкус к общественной жизни и общительность находили свое наиболее совершенное выражение в салонной жизни и салонном разговоре. С развитием салонной жизни возрастало и значение разговора как фактора общественного мнения.

Естественно, что возможность содержания салона была у людей, занимавших не последнее место в социальной иерархии. Роль «высших слоев» общества и, прежде всего аристократии, в функционировании салонов значительна. Именно в салонах активно шел процесс сближения между представителями аристократии, с одной стороны, и представителями литературы – с другой. Салонный разговор становился почвой для культурного сближения между различными слоями образованного общества и получил значение важной общественной функции. Общение удовлетворяло потребности быть всегда в центре внимания и вынуждало забывать (хотя бы на некоторое время) о сословной гордости и тщеславии, сглаживая социальную иерархию. Различие в рангах уходило на второй план, уступая место образованности, уму, светскому лоску. Все это, в конечном итоге привело к демократизации или дезаристократизации общественного салона.

Высшие слои общества, взяв под свое покровительство литературных деятелей, не подозревали, к чему в результате приведет их участие в распространении философских знаний и новых политических идей. Выступая против церкви и не осознавая, что все предрассудки связаны между собой, аристократия надеялась сохранить строй, основанный на сословной иерархии. Щеголяя философскими взглядами, они желали презирать дворянские привилегии, продолжая пользоваться ими, и были убеждены, что в то время как знатные люди прибавят к наследственному превосходству образованность, «чернь» сохранит свои верования в неприкосновенности. Но сами того, не желая, высшие слои общества способствовали распространению философских, общественно-политических знаний, поддерживая салоны, а через них воздействуя на печать, театр, местные органы власти. По Ардашеву, влияние «общественного мнения на провинциальную администрацию в лице интендантов и их ближайших сотрудников было … не только естественно, но и неизбежно…, среди них происходят метаморфозы: из рабски покорных орудий министерской воли они превращаются в «гуманных» администраторов, иногда выступающих за интересы народа» [1, 117].

Между правительственными сферами и обществом в XVIII в. уже не было непроницаемой стены: люди, которые толпились в парижских салонах, литературных кружках и клубах, и люди, которые занимали министерские кабинеты, принадлежали практически к одной и той же социальной семье.

А зачастую это были одни и те же лица (Тюрго, например, посещал салоны м-м Дюдеффан, Жоффрен).

Салоны служили одним из орудий, при помощи которых общество оказывало свое воздействие на печать. Литературные, эстетические, художественные и светские темы активно обсуждались, анализировались и критиковались. Высокая степень развития салонной общественности сближало светское общество и литературу настолько тесно, что трудно было провести четкие границы между ними. Кроме анализа литературных произведений в салонах обсуждались вопросы политического характера. В XVIII в., по выражению современников, из числа придворной знати аристократия фрондовала против Версаля и ухаживала за энциклопедией, а мнение Дидро и Д'Аламбера зачастую считалось более важным мнения государя.

Таким образом, очевидно, что основная роль в распространении новых знаний принадлежала высшим слоям общества, к которым можно причислить в XVIII в. не только придворную аристократию, но и крупную буржуазию. Именно они оказывали значительное влияние на умы народных масс посредством литературы. Практически все политическое воспитание народа Франции было выполнено литераторами. Писатели предоставили народу не только свои идеи, но и передали ему свой темперамент и свое настроение. Под их продолжительным влиянием, не имея других руководителей, нация, читая их произведения, усвоила склад ума, вкусы, манеры и даже причуды, свойственные людям пера. Это не могло не сказаться на политической жизни того времени, которая сохранила многие привычки литературы. Даже политический язык многое вобрал из языка писателей: для него не были чужды общие выражения, отвлеченные термины и длинные изречения. Литературные обороты поникали даже в среду крестьянства. Токвиль приводил в качестве примера жалобы крестьян, «которым недостает только знаний орфографии, чтобы сделаться довольно бойким писателем» [5, 172].

Революционным преобразователям XVIII века предшествовали перемены в национальном сознании и мышлении. Результаты этих перемен не могли не отразиться на социальной структуре общества. По словам Бокля, пока различные классы общества ограничивались занятиями, свойственными одной их сфере, это способствовало сохранению особых обычаев, подчиненности, иерархической замкнутости. Но когда члены разных сословий стали встречаться в одном и том же месте и с одной и той же целью, то их стала связывать общая новая симпатия, т.к. самое высшее и самое простое из всех наслаждений – наслаждение, доставляемое познанием новых истин. Общая цель – овладение новыми знаниями превратилась в звено, связавшее те социальные элементы, которые прежде держались замкнутыми в своем уединенном тщеславии. Различия между людьми заключались лишь в том, кто был лектором, а кто учеником. Субординация по чинам уступала место – субординации по знаниям.

До XVIII в. каждый класс смотрел с ревностью на свое превосходство над другими, стоящими ниже его, и бывать в одном месте на равных правах

считалось несбыточным делом. Сама мысль о социальном равенстве считалась нелепой. Но в XVIII в. успех знаний обеспечил господство принципа умственного превосходства над превосходством аристократическим. Общение в салонах между людьми, принадлежащими к различным сословиям, привело к упрощению манер высших классов и ослаблению привязанности к церемониям. А заключение неравных браков стало частым событием, что в немалой степени способствовало демократизации общества в целом.

Изменения в сознании людей, начавшиеся еще с XIV в., привели к утверждению в XVIII в. новых ценностей, тесным образом связанных с буржуазной эпохой. Причинами буржуазных революций были не только ужасающий экономический кризис и ухудшение материального состояния народных масс, т.к. финансовая нужда не всегда является непосредственным толчком к началу революции. Положение народа при Людовике XIV было более безвыходным, чем при Людовике XVI, но «самые несносные проявления произвола у Людовика XVI казались более несносными, чем весь деспотизм Людовика XIV» [3, 148]. Из всего этого следует, что основными причинами революционных событий являются социально-психологические изменения в сознании людей: осознание своей угнетенности, собственной значимости и несправедливости существующего строя. Без новых взглядов, идей, распространившихся в век Просвещения, невозможно представить сознание людей, выступивших против абсолютизма. И распространение нового мировоззрения стало возможным благодаря литературе, существовавшей в значительной степени за счет покровительства со стороны высших слоев общества.

Практически две революционные силы воодушевляли в конце XVIII в. умы и оживляли положение дел. С одной стороны – это интеллектуальная зрелость французской нации, а с другой, – социальная зрелость буржуазии, т.е. класса, который осознал свою силу, богатство и свои права. Скорее всего, вся философия XVIII в. и благородные идеи остались без применения, если бы не оказалось новой общественной силы, заинтересованной в том, чтобы произошли значительные перемены. Такой общественной силой была буржуазия.

Естественно, идеи Нового времени, Просвещения были гораздо ближе буржуазии, чем аристократии. Но возникает ощущение, что аристократия не отдавала себе отчет в появлении смертоносного оружия, в создании которого она сама принимала участие и впоследствии распространяла. Господствующие классы XVIII в., придворная аристократия и крупная финансовая буржуазия практически не предвидели кровавой развязки событий, продолжая отдаваться сладостям светской жизни и провозглашая высшим смыслом бытия культ своих инстинктов. По свидетельствам Токвиля [5], Людовик XVI даже накануне гибели от неистового натиска демократии продолжал видеть в аристократии главную соперницу королевской власти, а городское сословие и народ, напротив, казались ему, как и его предкам, надежной опорой трона.

Что же представляла собой аристократия накануне Великой Французской революции: силу Старого порядка, опору трона или защитницу идеоло-

гии Просвещения? Скорее всего, парадокс заключается в том, что дворянство, в силу своего положения и образованности (по сравнению с остальными слоями населения, исключая духовенство) одним из первых знакомилось с достижениями литературы и посредством литературы распространяло новые идеи и настроения. Но для дворянства эти знания (как результат познания действительности и ее отражение в мышлении человека) не могли стать новыми идеологическими убеждениями, революционным руководством к действию. Это вовсе не означает, что изменения в сознании людей, произошедшие с началом Нового времени не коснулись высших слоев населения. Конечно, буржуазия была более рационалистична, практична, свободна от религиозных догм, но идеи свободы, равенства и братства сначала обсуждались в салонах высшей аристократии и только потом становились достоянием народных масс. Не только буржуазия сыграла значительную роль в формировании сознания Нового времени. Высшие слои дворянства успешно усвоили новые общественно-политические ценности эпохи в качестве элементов системы мышления и не менее успешно (но скорее неосознанно) распространяли эти ценности во многом благодаря своему стилю жизни и стилю мышления.

Литература

1. Ардашев П.Н. Администрация и общественное мнение во Франции перед революцией. Киев, 1905.
2. Бокль Г.Т. История цивилизации в Англии. С-П., 1896.
3. Ковалевский М. Происхождение современной демократии. Т. I. С-П., 1912.
4. Сталь Жермена де. О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями. М., 1989.
5. Токвиль А. Старый порядок и революция. Петроград. 1918.

УДК 323.17

Добаев И.П., д. филос. н., проф.,
Добаев А.И., к. э. н., Умаров Д.В., асп.

Трансформация финансирования террористических структур на Северном Кавказе

В статье рассмотрены основные направления и источники финансирования террористических структур в мире и на Северном Кавказе, представлена объемная картина трансформации финансирования сетевых террористических группировок на Северном Кавказе.

Ключевые слова: джихад, закят, «Имарат Кавказ», исламизм, радикальный исламизм, Северный Кавказ, терроризм, финансирование терроризма, хавала, экстремизм.

Исследователей современного терроризма и связанных с ним проблем, прежде всего, интересует динамика изменений, обусловленных формирова-